

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

ЯЗЫК ШЕРШАВЫЙ
СУМРАКА

АЛЕКСАНДР ГОРДИН

ЯЗЫК ШЕРШАВЫЙ

СУМРАКА

СТИХИ

Усолье-Сибирское

2009

Г-5 Гордин А.И. Язык шершавый сумрака. Стихи.
АНО СП. Усолье-Сибирское 2009 – 64 с.

© АНО «Сибирское партнерство» 2009

© Гордин А.И. 2009

Вступление

Стихи, вошедшие в этот сборник – поток мыслей и образов, рожденный в духовно-смутное время 80-тых годов. При подготовке их к печати, автору пришлось мысленно вернуться в это непростое, во многом противоречивое, время. Встреча с лирическим героем этих стихов проходила для него непросто: многое с позиции сегодняшнего времени кажется неприемлемым, например, некоторые слишком нарочито грубо «слеplенные» образы, ортодоксальные по содержанию просторечные выражения.

Понимая, что «причесывать» стихи этого периода нельзя, потому что потеряется их первоначальный художественный смысл, который был связан с разрушением старой системы общественных ценностей и подготовкой новой, автор оказался вынужден мириться с их «эстетической моделью». Но тем-то они и интересны для читателей, живших в то время и

последующих поколений: их форма, неразрывно связанная с содержанием - письменное художественное свидетельство времени, которое сконцентрировалось в образе мышления лирического героя.

А оно во многом сохраняет приметы мировосприятия обыкновенных людей, проживавших в великой, но уже разрушающейся стране, носившей гордое имя Союз Советских Социалистических Республик. Это, частично, выражается и в названии циклов стихов, которые вошли в этот сборник «Пеньковая лира», «Снежный дом», «Язык шершавый сумрака».

В цикле стихов «Пеньковая лира» всего семь стихотворений. Они значительного отличаются от всех стихов, которые написаны автором до и после, своей философско-эпической направленностью. Метаморфозы происходящие в сознании людей того времени, требовали осмыслить современные события в исторической ретроспективе. Голос лирического героя звучит непривычно возвышенно, патетично.

Его взгляд скользит поверх сиюминутных деталей. Он фокусирует свое внимание лишь на самом существенном, что, на его взгляд, определяет наше национальное лицо.

«Снежный дом» - так же небольшой цикл стихов, но в нем уже «оживает» лирический герой. Хотя излюбленная тема поэзии – любовь, воспринимается драматично. Это драма лирического героя с самим собой, со своим вторым «Я». Это - сияющая боль, которая оказывается созвучной времени: лирическому герою в личной жизни, как и в общественной, приходится отказываться от многих привычных представлений. Даже любовь им мыслится как смерть, но не физическая, а духовная, которая способна дать рождение новой жизни. Но всё-таки смерть, есть смерть... От этого колорит стихов – холодный. Снежный дом может быть красивым внешне, но жить в нем невозможно.

«Язык шершавый сумрака» - написан заболевающим воображением. Происхождение этой болезни имеет явно

социальные корни. Об этом свидетельствуют некоторые почти документальные или, точнее, художественно-документальные наброски с натуры, в качестве которой в стихах берутся люди, порой во всем их неприглядном виде. Порой, сам герой. Жесткая живопись слов лишь иногда смягчается иронией или нежностью, которые подчеркивают сумрачность происходящего.

И всё-таки сумерки – это не мрак. Сумеречные настроения в сборнике – это тревожное предчувствие ночи. Ночи в совсем другой стране, во многом *среди* других людей. Но и ночь может быть живой, с языком шершавым сумрака...

Сумрак в душе лирического героя этого периода иногда приобретал причудливые поэтические формы, которые не совместимы даже со стихами, вошедшими в этот сборник. Поэтому для других стихов этого же периода потребуется новое поэтическое пространство, которое соединит в себе в следующем сборнике *скоморошичью*

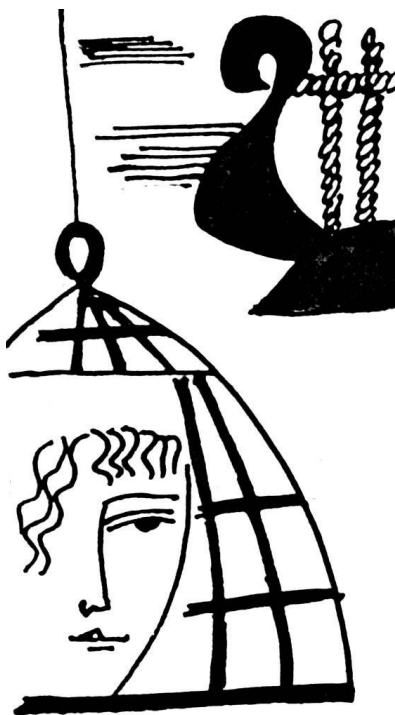
пляску звуков и смыслов, возможно, в таких циклах как «Очередь», «Пепел по имени Я», «Абсолютный слух ям», «Голос ослепшей птицы» и др. Наличие нескольких поэтических пластов в творчестве автора только подчеркивает неоднозначность восприятия им своего внутреннего и внешнего миров. Но это будет уже другая история...

А во вступлении к этому сборнику мне хотелось подчеркнуть, что никто в 80-ые годы не мог знать, что в очередной раз случится со страной, с Россией в ближайшие десятилетие. Но ветер перемен уже набирал свою силу. Это, если не понимали, то чувствовали все. В том числе автор и его лирический герой. Об этих чувствах, собственно, и рассказывается в третьем сборнике моих стихов «Язык шершавый сумрака».

Автор выражает глубокую благодарность за подготовку его к печати неизменного технического редактора – Владимира Тихомирова, за иллюстрации художников

Геннадия Кузьмина, Владимира Быргазова,
Юрия Скорнякова, Михаила Петухова,
Сергея Соловьева.

А. Гордин

ПЕНЬКОВАЯ ЛИРА

Русский Рим

Свеча потушена. Лицо – клеймо!
О, Рим! Ты видишь: я твой раб.¹
И жизнь меня, и смерть неймет:
под плетью дерзок, с плетью слаб.

Здесь, на разрушенных домах,
трава растет, да мох,
коль небо синее в глазах –
в душе чертополох.

Здесь поножовщина давно
и воля по ночам,
но, словно редкое вино,
стихов сладчайший срам.

И непонятно: для чего
нужна нам эта страсть.
Во тьме всевидящей легко
сердца у сырых красть...

Но светел, чем-то и кандалный звон -
с лица блаженства не стереть!
Вы слышите призывный стон!?
И – отступает смерть...

1992 г.

2

Моя нация - хлеб и сталь.²
Мое сердце – костер в степи.
Ахиллеса и россов жаль:
«Человечество, не уби!».

Пятьдесят легкокрылых судов
пропустил, обманувшись, Приам,
чтоб понять цену вещей слов:
«Мертвый русич не имеет срам».

И три солнца взошли над землей,
и двенадцать промчалось лет.
Кто ты, предок далекий мой? –
Ветер сеет листвой, лишь ответ...

Голос сей, словно море шумит,
наливается в небе гроза...
Знают, как был Патрокл убит

Мирмидонцы, да лишь небеса.

Но о Родине скорбный плач
вразумителен мне и сейчас:
только росу печаль – палач,
когда, как журавлиный глас,
его сердце стремится в ночи
в милый, северный, гордый край,
где жив Пан и сиринга звучит,
заглушая вороний грай...

1993 г.

3

Прекратилась работа души.
И, вернувшееся пространство,
изготовилось придумать
наше рабское постоянство.

Гость, пришедший с мороза в тепло,
греет вновь свои жадные руки
о Россию, которой везло
на насилье и хамства, от скуки.

В окнах небо - застывшая грусть,
а в глаза – опрокинуты дали!
Но, читая всех нас наизусть,
разгадает все ж кто-то едва ли!

Как волна на речной мели
бьется пеною речь поспешная,
дескать: «Проклятий нет Земли,
все кто в ней и на ней потешные!»

Но! Рябиной, сочась на снег,
жарким ртом полыньи, стужу мучая,
всем назло, наяву, не во сне
мы - любили от случая к случаю!

Каждый был так талантливо сир,
что, вскормленные вьюгой и пьянством,
мы, от русских пеньковых лир, -
воскресаем, вернувшись из странствий!

О, как долог наш путь к дому был!
Как же жить в клетках выросшим птицам?
Вы, грядущие из голытьбы,
помолитесь на наши лица...

1993 г.

4

Птицу выпустили из клетки.
Подарили оглохший мир,
где подвешены, вновь на ветках
сотни русских пеньковых лир.

Ну, а в клюве, лишь зернышко слова.
В сердце – жалость и серенький страх...
Здесь октябрьское небо – багрово,
кровь на черных, слепых кирзаках.³

И столикая мудрость безумства
снизошла, преломившись лучом,
в душу. Но шепнули: «Не умствуй!»
И ее, зачеркнули кнутом...

1993 г.

5

Двуглавый орел – белая ворона!
Срамна, странна у нас судьба:
в нас тычут пальцем – мы, без стопа,
ждем божьего суда.

И, взявший камень в руки – плачет,
но бьем наотмашь, чтобы – смерть,
дала нам жизнь! А все иначе...

И воет в жилах мерзкий зверь!

Чтоб звезд потоки вырвались на волю,
и прокричал Вселенною петух,
а солнце, захлебнувшись нашей болью,
в ладонях наших испустило дух.

3-4 октября 1993 года.

6

М.Лунину

Письма отправлены. Письма идут.⁴

Где почтальон мой измученный?

Явь Акатуя⁵ – губернаторов труд:
властвовать им не прискучило!

Раб изменился: безудержно рад
жизни курьезному случаю.
Красный (почивший уже) звездопад,
видится только к лучшему!

Тот же, строкою начертан чей путь,
полон иронии к каторжной жизни.
Мильтон ему – это ереси жуть.
Брат ему – всякий ближний!

Всё, что доверено тайным гонцам,
все, кто блуждают в промозгнувшей
Вечности,
всё – в колыбели его лица,
прописано призрачной млечностью.

И становлюсь я лицом к лицу
к небу, и, как подаяние,
слов его тайну в сердце несую,
чашу, испив с ним изгнания.

Письма отправлены. Письма идут.
Где почтальон мой измученный?

Явь Акатуя – губернаторов труд:
властвовать им не прискучило...

Рождество

Здравствуй, тихая моя Родина!
Удивительно Рождество
всех, кому не до Святков вроде бы,
всех, забывших свое родство.

Присмирившим самоизгнанником
возвращаюсь в свой брошенный дом.
Неуютно, как чужестраннику
в этом городе жутко пустом.

Здесь уже на рождественских улицах
приморозят калитку едва ль...
А Медведица в небе сутулится –
одиноких ей ряженных жаль.

И поэтому странною сказкою
мне читается нынешний день,
где, заблудший, уже без подсказки,
не найду милых сердцу огней.

Здесь рождаться еще случается:
кого к небу звезда ведет,
когда вовсе уже отчаётся
не стреляет, а песни поет...

Ну, а мне в этом снежном прозрении,
снова чудится ветра молва.
Вспышки лиц и слова озарения,
и залитая кровью трава...

Тени здесь! Еще живы здесь тени!
Чу! Я вижу как по Большой ⁶,
околдованной белой метелью
Оболенский ⁷ идет со мной.

Ну, а если прислушаться ночью –
сердце кликнет Большая Елань ⁸:
колокольчик кандалный в безочье

в самый раз, если дело дрянь.

Кто рискнет разгадать эту тайну? -
В старых срубах ослепших домов
оставляет нам не случайно
время знаки истлевших годов.

Кто поручится, дерзкий, что ныне
кровь Громницкого ⁹ и зэка ¹⁰
в нашей терпкой усольской полыни
перемешана лишь слегка!?

Но чем мрак беспросветней желаний –
ярче светит Христова звезда!
И распятых - она еще манит,
а рожденных – ведет до креста!

1988 г.

СНЕЖНЫЙ ДОМ

1

Безжалостное

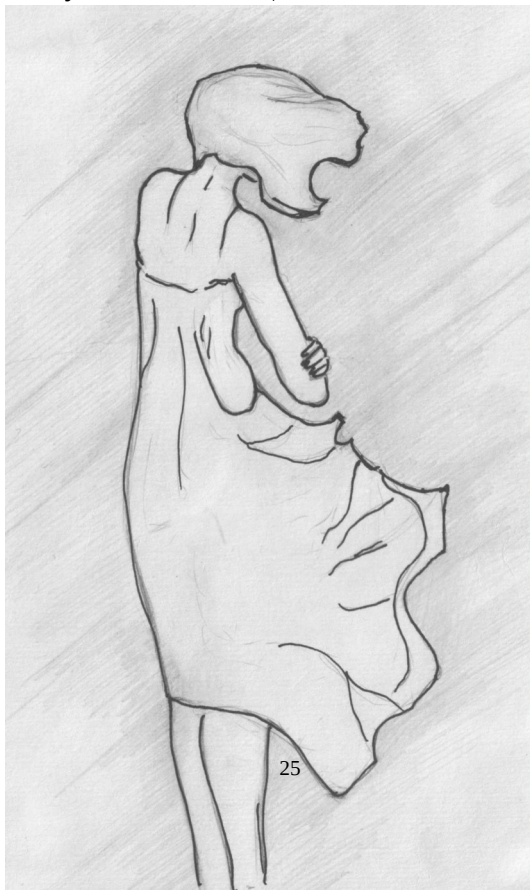
Желтый, багровый, оранжевый –
цвета зазвучали во мне!
Где же блуждали раньше Вы,
давая гореть в огне
неутоленной страсти
к стихии неловких стихов?
Милая, милая... Здрасти,
смерть моя – я готов!
Вечер еще людидействует!
Где-то гитара звучит...
Видите, занавес? Умерло действие,
гаснут зрачки софит.
Все! - На столе золотистое,
то ли вино, то ли яд...

Выпьем! Да, будет пречистая
совесть, сошедшая в ад!
Боже, как мне куралесилось,
как мне прекрасно лгалось!
Сколько бумажных месяцев
в небе ночном сожглось!
Глупо, возвышенно бредилось,
и предавал, любя...
«Пепел, пустыня, безверие-
вот мой удел и судьба!» -
я бормотал картинно,
в лужи нарциссом глядя...
И ... привирал невинно,
что честен и добр всегда.
Так отчего ж так погано
от «энтих» прекрасных чувств?
Больно... Как больно! Рана –
душа, что сочится из уст.
Любая сила – бессилие,
в том числе, и - слова:
молча, друзья мои милые,
помяните меня...

Незнакомке

Незнакомка, плюсюю с твоей улыбкой,
которая тоньше льдинки в апрельской луже.
Я плюсюю с бутылкой пива,
с куском ветчины и глотком вечера зыбкого.
С черемуховой стужей,
с опавшей листвы архивом!
Я плюсюю со зверьком своего тела,
скребущего лапкой сердца!
Я плюсюю с колокольчиком жаворонка
и погремушкой листьев!
Я плюсюю с бичами в парке запустелом,
с Библией староверца,
со шлюхой на площади Кирова,
глядящей длинно!

Что поделаешь: у каждого своя работа
за минусом жизнь и еще более важное что-то...

ПРОЩАНИЕ

Не связан я порукой слов.
Зарубцевались в сердце раны.
Прощай! Я умереть в тебе готов,
но буду, жив, как это и нестранно.

И синева твоих лучистых глаз
мне больше неба не напомнит.
О, сколько одиноких нас
жизнь, сжалившись, на миг знакомит!

Как два пожухнувших листка,
друг к другу, трепетно, прижавшись,
в потоке дней промчались, навсегда
друг в друге, нежностью оставшись.

Иссякла даль из снов и слов.
Вмерзать в пространство нам без стона.
Прощай. Я умереть в тебе готов.
Но надо жить. Как это странно...

4

О, как жалость похоже на жало.
Сколько это доказано раз! –
Засмотрелся и ... вас не стало
от укуса прекрасных глаз.

Ну, а много ли надо путнику? –
Что б клубилась по жилам кровь,
что бы ночь эту теплую, мутную
пить и пить, называя: « Любовь!»

Что бы хлеб был в котомке, а вечером
только ветер касался губ.
Ведь на Млечном Пути отмечено:
Север – разум, а сердце – Юг.

А бродяга всегда к теплу тянется.

Так и эдак – квитаться с Судьбой!
Все равно он – один останется,
но за то, оставаясь собой.

5

Ломких пальцев немая тоска.
Ожидание страстное плеч.
Снег в лесу был мгновений песка.
и возможно ли уберечь
этот зимний летучий сон,
эту жажду усталых рук? –
Мы построили снежный дом
из нежнейших сомнений и мук...
Дом, который растает, едва
лишь забрезжит прощанья рассвет.
Но останутся жить слова
Эти – много, много мучительных лет...

Лирический триптих

I

Любовь? – Как чашка кофе от бессониц боли.
Как сладострастный стон, коверкающий рот.
Мы влюблены в свою неволю –
воображаемый полет.
И, кажется, счастливее тем более,
чем сумрачней Иркутск, чем более забот.
И будет так, наверное, до коли
наш трепет тел строку не оборвет.
Ну, а пока мы – звенья ржавой цепи.
Мы – в лабиринтах злых очередей.
Где, встретившись, наедине, - еще нежней,
где врозь – всегда еще нелепей.

II

Как светло мне в имени твоём.
Под кожицею солнца день октябрьский.
Душистый он, как дольки апельсина.
Опять «Нева»¹¹, опять мы кофе пьем,
палимые друг к другу жаждой адской.
Потом, под звуки клавесина,
мы, на двоих, одна – бессонница.
Как ночь длинна! Ей мера – жизнь.
И сумерки речей, и мрак квадратных лиц,
и морок лозунгов – всё, гаснущий в нас, век!
Так пусть же, огонёк твоих волос дрожит,
среди моих смуглеющих страниц,
моих неживших книг. И мой побег
от рук твоих, от губ – к листве и суете авто –
побег в тебя, который не прочтёт никто...

III

Любовь перетекает в жалость.
Как жало вьюги в душу.
Капли фонарей дрожат. И - тихо. И - тало.

И нам, бездомным, БЫТЬ сегодня лучше.
А губы пахнут черным кофе.
А парк, действительно, спешит проститься.
Не спится. Ветра вздохи.
Неплохо бы сейчас в стихах забыться.
Неплохо бы судьбу придумать снова
и в прошлое сбежать, лет этак, хоть на сто!
Но догорает на губах несбывшееся слово.
Его прочесть не в силах уж никто.
Но ещё помнят тишину плеч руки.
И одиноко нам на улицах и Ленина, и Маркса.
А вечер тянется тенями, тысячерукий,
срывать и с нас, и с неба солнца маску.

7

Какая грустная игра:
жизнь знаем наизусть,
а смерть была уже вчера.
А поцелуй, дрожащих ваших уст,
напоминает нежностью проталины земли.
И вот душа, как птица из руки
вспорхнула! Потом растаяла в дали,

оставив только шрам строки
на клетчатом снегу...

8

Что тебе надо, бродяга:
две женщины ищут тебя!?
Слепая твоя отвага –
беспутная, вдрызг, судьба!

Судьба, коих тысячи тысяч –
бескрылых блужданий во тьме,
где сердце безжалостно тычет
в тебе и, конечно, во мне...

И все эти странности странствий
(мы в саванах простыней!)
мгновенное слово «Здравствуй!»
и, вечные, «Будь добрей!».

Всего-то одно отстранение
от смерти к живым, чтобы - жить!

И, падая во мгновенье,
друг друга мы жаждем испить...

И, веруя в чудо рождения,
летим отражаться в других!
Мучительно это парение...

Одно, но одно на двоих!

ЯЗЫК ШЕРШАВЫЙ

СУМРАКА

1

Родились душой на земле Илфета,
а телом влачимся – по Симовой ¹².
И снова листья – кусочки света –
лепятся к земле, как мы к России...

2

Провинцией обречённый, как приговоренный
к жизни прихожкой шифоньер.
Брожу по вскрытым венам разухабистых дорог,
простодушием бродячих собак прирученный,
мыслю на их лопаухий манер,
и от собственных мыслей по-собачьи продрог.

Провинцией обречённый!
Больше, начитан запахами трав, лицами людей,
столбцами дерев и промышленных труб.
Груб, ветром и солнцем обучен,
духами лесными учён.

Привечён друзьями,
которые любимы и которым люб.
Мне трудно жить без их надежных рук
и нежных губ!

Провинцией обречённый,
не в своей тарелке среди своих,
хотя иногда пахну черемшой, водкой и омулем,
говорю со вкусом «чё?»,
«бывает», «куды с добром» и «почём»,
и охоч до деревенских шутих,
которые в душу глядят омутом.

Провинцией обречённый
обручён с землёй усольской:
белый - от цветущих черемух и речки Белой.

Слыву ненаречённым
быком ¹³ на быстрине и,
будучи к тому же майским,
доказываю, «плывущим по течению»,
это делом.

Провинцией обречённый -
речью курьи ¹⁴ и падуна ¹⁵,
шивера ¹⁶ и шуги ¹⁷,
с трудом постигаю науку человеческой речи,
в которой мне не видится ни берега, ни дна,
и мгла застилает глаза в пути.

Провинцией обречённый
я немею, пугаясь сутолоки городов:
говорю по телефону,
а слышу кем-то свой голос изменённый,
в котором, вместо слов -
звуков, запахов и красок заломы.

Провинцией обречённый
рыскаю со своим даром речи
в поисках людей, умеющих слово чувствовать.

Их души, первозданностью осенённые,
Шелонику¹⁸ подобны при встрече,
который с юга на Байкал дует.

Всем провинцией обречённым
в глаза проливается небо,

поэтому разум их –
внутренность сердца¹⁹
и они - совершенны,
подобно хлебу,
сделанному из пота и солнца.

3

В клетке тетрадки жили стихи.
Требовали свободы передвижения:
я, предвидя унижение,
прикидывался до поры глухим.

А сегодня, моя комнатка, поехали!
По прямой ночи, по спиралям снов!
О, двуликий день! – Мне помеха

твой изнурительный меня отлов!

То подобный облакам пролетающий,
то по самое сердце в очереди врос,
и, голос как снег на ладони тающий,
переплавляю в бусинки звезд.

4

Плети рук уборщицы -
беломорина в зубах.
Интеллигентно морщится
дамочка в годах.
Какая-то колхозница
распахнута для всех:
на лавке пышкой гнездится -
и смех, и грех...
Студентов стайка быстрая
уничтожает пончики.
Часок красotka выстояв,
«папа»²⁰ сняла на ноченьку.
Слезливо в чем-то кается
геолог собутыльнику.
Сержант тут появляется

в шапчонке на затылке.
Все живы. Все ограблены ²¹.
Спокойны, даже впрок.
И крест, усталой шваброй,
поверженный, у ног!

5

До утра здесь пили.
Вязкий воздух - от криков и пьяного ржанья,
растекался по легким холодным илом.
О, Пресветлая Мать – Ожиданье!
В этой жизни, постылой,
приручили к тебе нежно-кудрой деве.
Ты, сошедшая с икон,
среди смертных бродила.
Жила в каждом – слева.
Стебли слов терпеливо растила.
Колыбельные пела.
То звала нас на дело бранное.
То, никудашных, любила.
И спалось отчего-то странно:
вьюга ведьмой в трубе голосила,

Ночь живая к живому жалась.
Из глаз родники соленые били:
в них как встарь душа зарождалась...

6

Город медленной смерти -
не здравствуй! – Я пью за твой упокой
настойку из горьких слов.
Вот уже деревья померкли.
Сторукая ночь свинцовой волной
рушит квадратные лица домов.
Закрывайте покрепче двери!
И парите на игрушечных крыльях снов!!
Совсем не страшно, поверьте,
жить в городе медленной смерти.

7

Я вышел из дома

тропинкою крика.
Лицо же мое продолжало безлико
жить до стихов излома.

Я вышел из дома
в полет безрассудный,

с верой Иисусовой, с коварством Иуды,
и - стало все прежнее невесомо.

Я вышел из дома,
однако, на кухне,
подлунно, призывно – лампада не тухнет,
и – профиль в окне мой огромный.

Я вышел из дома
и снег стал безвкусный,
и дождик урок свой рассказывал устный,
о том, что – бездомный,
о том, что – нескромный.
И было мне радостно,
и было мне грустно...

**Стихотворение, приснившееся ночью
при чтении «Скандинавского эпоса»**

I

Под крылом у солнца –
волчица-луна.
Со дна неба мчится
безликая, одна.

«Тягостно – в мире
великий блуд.
Век мечей и секир.
Треснут щиты...» -

Пророчит.

И словом душу мне не прочит.

Хочет она знать срочно:

кто будет за живчиком-дочей... -

Довольно ль вам этого?

II

Почему голова моя
не череп Мимира? ²²

И все-таки, стоя,

жду мрака любви настырно.

«Расколото небо –
солнце блестит.
Мрут великанши.
Люди идут!» -

Этот день в стакане дрожит.

Господи, где же вы?

Так надоели божков этих рожи!

Прорастаю в Будущее Надеждой... -
Довольно ли вам этого?

III

Ему многое ведомо.
Я же провижу:
жить счастливо – бедно!
Главное выжить...

«В домах, встречая,
говорила волшбу.
Умы покорялись,
злым женам на радость!» -

IV

Небо-льдинка
капелью тикало.

Глаза раскинь-ка!
Судьба – стихов прожилки!
Довольно ль вам этого?

9

О.Г.

Жила-была девочка
на самом краю неба.
И это ни небыль.
И она - ни Евочка.

Хотелось быть птицей.
Чтоб платье – ветер!
Взмах крыльев – и светел
я, безлицый...

Бросил, словно радугой,
а одарил росинкой.
Стал же – паутинкой.

Чему же радуюсь?

Вместо перьев – пальчики,
мокрые от стирки.
От стихов – лишь дырки,
от любви – лишь девочки,
ну а, позже, мальчики...

10

Р. Филиппову

Как дрожащие пальца утренний лес.
Теплые губы ветра.
Холодно-синий неба срез –
сочится журавлями чье-то лето.
Какой-то пьяный «в рот и в нос»
родную власть на остановке кроет,
и медленное золото пахучих ос –
у ног его. О, наше житие лесное!
Улыбку прячут бабы: вены рук
венер сибирских – комья пухлой грязи.
А женским душам снится желтый Юг....
Но вырвешься из серых буден разве?
И сотворились в миг один:

улыбки, маты, люди. Просто осень...
Ты в той России? – Погоди,
придем!- И всех, по-совести, расспросим!

11

Разве можно все это пересказать дословно? –
Ловлю ветра раковиной лица,
в котором, сварганилась песня –
стреноженный жеребенок.
И небо бездонное,
и вершины лиственниц,
и ночь с монетою луны звонкой...

Разве можно пересказать, что слагает тебя? -
Слепой нищенствует в электричке,
по привычке сосед бьет жену «для порядка»,
по утрам тысячи кузнечиков рассвет трубят,
по вечерам – лепет детей языческий,
по ночам – забвение краткое,
а дня все нет и нет ...

Вот и несу высоко над собой все это
в своих странствиях,
как факела во мгле тревожного пространства.

1989 г.

12

Вот и лето уже наизлете.
Шорох штор, шепот трав
обессиленных. В чем-то вечер не прав...
Об этом вы позже поймете,
устав от людей и ветров.
А сегодня наш город – голгофа!
Снегопад – наша лучшая кофта!
И каждый к песне, как к бритве готов!
Когда в щели кровавых рассветов,
разрывая порочный круг,
не протиснуться, даже лишившись и рук...
Лишь в просветах ночей - мы, как дети,
по городу медленной смерти бредем,
где в заложниках каждый.

О.Г.

Что это? Уходящая юность?!
Помашу-ка ей,
разодранной на колене штаниной! –
Здравши подол свой таинственно-длинный,
не ты ли меня обрекла на разгульность?

Не кладай листвою и ты, ведьма, - осень!
Поперхнешься ногой моей гениальной!
Потому что стихами, очень специально,
ставлю, как двойки, вопросы...

А дырку в кармане заткну снова пальцем.
Довольно и монеты-луны, неправда ль?

Мне, кажется, ты, подруга, не рада,
что жизнь разломила с усольцем?

Счастливейший, стены упрятав в обои,
себе разрешаю быть папой, любимым.
И думать: пресветло грешны мы...
Что ж, выпить за это, право, стоит!

14

М.Г.

Листья послушны лицу.
Слушаю им вечер.
Крикну «Ау!» в лесу,
а в городе эхо настигнет, конечно...
«Кака!»²³ - скажу на завод.
«Вава!»²⁴ - показав на душу.
И кто-то ко мне придет.
И станет на сердце лучше.
Умрет на улице ветер.
Затихнут глаза мои.
И осень печально затеплит
Пламя пихтовой хвои.

15

О.Г.

Мгновенничующий голос кузнечика.
На стене сломанное крыло тени моей.
Склонив над стиркой плечи,
верую в лепет своих детей.
Безумею от Розенталя.

Сбывается мечта в роли «Миси»²⁵

Но и этого мало –
бред сей записываю.

А поздно ночью
слышу: «Милый,
ты очень, очень
большой и сильный!».

16

О.Г.

И вот антиритмы снова.
Милая, приходи ко мне.
Мы поиграем в ласковое слово.
В котомку, как приходниче²⁶
положим поле, положим горы.
Видишь, березы вздыбленные, как крик,

роняют снова листьев ворох
сквозь осень и меня. И я привык,
пронизанным быть этим светом,
этой мыслью, этим всплеском чувств.
По-прежнему, я сломан летом.
По-прежнему, без крыльев, но лечу!

17

Сплевывают рты подъездов
теплые тела домохозяек.
У них лица, брошенных разъездов:
разбитые окна, почерневшие скулы стаяк.
Их день выражается в тоскливых покупках,
глядящих на волю чрез решетку сеток.
Какая же странная мука
жить на этом белом свете...

18

Я снегом ослеплен.
Я слеплен из снега.

Прекрасный, возвышенный плен!
Но все же... Но все же нелепо,
вертеться в воронке солнца,
висеть на волне подоконника,
когда в окошке лица смеется,
уже с рождения, лицо покойника!

Когда слова, похожи на почки,
когда пальцы ветром прорастают,
и глаза, как мертвые бабочки,
на неслышную землю облетают.

19

Гей, стоптанный сибирский валенок!
Через дырку в твоей пятке звезды видны.
И знал ты ножку Валину.
И знал ты ножку Танину. Они
в стихах твоих уютно дремлют,
как войлочные портянки.
И тикает медленно время
через тебя – наизнанку!
Приходят через брешь, в незнаемое,

тени предков. Становятся в очередь:
за пивом, молоком, первым снегом, не зная,
что нет больше, притворяться мочи
живым. Что псиное лицо ночи,
с ушами почерневших ставен,
протянуло лапы в мою тетрадь. Стучит
цепями вьюг. И, явно,

не починить, не залатать души
ни чьей, сапожнику-поэту:
в такой глуши себе служить
и то, сил нету...

20

Снова день длинный, как выдох -
вечность двух шагов!
Из дома тихонечко выйду
и – будь здоров!
Подснежник луны – в сумку.
Этот символ – по мне!
Язык шершавый сумрака,
будет всех главней.

Подставляю ему свою голову –
не проклиняйте родные, друзья:
я хочу всем: хорошего - поровну,
и, конечно же, поровну зла...

21

Давайте, спокойно поговорим
без криков и кривляний.
Над нашей Родиной «дым»
подзапоздавших поминаний.

Смердят отстойники ²⁷ газет
по всей Ивановской ²⁸.
И – душно. Не прозреть.
Коль поздно каяться.

Пролог известен. Он предлог
к неразберихе «аппетитной».
Предчувствую себя подлог
и пули из петита...

Мои беспартийные ухо и рот,
заслуживают нарицания зимы.
Я сер, как скучный анекдот.
В пальто, но без сумы,
скольжу по краю нервных строк,
под неба позевком
к себе, через себя... Таков урок,
коль стал Иваном-дураком!

1984-86 г.г.

Примечания

1. Стр.9 – *«О, Рим! Ты видишь я твой раб.»* – Имеется Третий Рим, которым мнила себя царская Российская Империя, претензии которой сохранял и СССР, который действительно являлся в определенный период истории человечества – сверхдержавой. Современная Россия до сих пор не может полностью избавиться от этих имперских иллюзий.

2. Стр.10-11 – *«Моя нация – хлеб и сталь.»* - Стихотворение написано по мотивам известной гипотезы, утверждающей, что в составе осаждающих Трои были скифские племена, вошедшие в военный союз греков для отставивание торгового пути из Черного моря в Средиземное. Согласно этой гипотезе: скифские племена поставляли в Грецию зерно и сталь,

греки их называли мирмидонцами, их предводителя Ахиллесом и т.д.

3. Стр.13 – **«Здесь октябрьское небо – багрово, кровь на черных, слепых кирзаках»** - намёк на октябрь 1917 и 1993 года, когда в столицах России (Петербург – Москва) лилась кровь российских граждан под предлогом отстаивания их гражданских прав. Это и последующее стихотворение написано под впечатление событий 3-4 октября, произошедших в Москве и, прежде всего, попытка национал-патриотов захватить телецентр в Останкино и расстрел танками российских войск Белого Дома, где располагался российский парламент, большинство которого вступило в открытую конфронтацию с правительством Б. Ельцина.

Кирзаки – название солдатских сапог, распространенное в простонародье.

4. Стр.14 – **«Письма отпавлены. Письма идут»** – стихотворение написано под впечатлением писем декабриста М.Лунина, которые он отправлял из ссылки разным адресатам и продолжал высказывать рискованные для того времени политические мысли. При прочтении их автору пришла мысль, что М.Лунин эти послания адресовал не конкретным людям своего времени,

а потомкам. Поэтому его письма до сих пор идут из века в век нам и будущим поколениям россиян, тем более, что в России до сих пор многое из того что было в Российской Империи остается актуальным, потому что

**«Явь Акатуя – губернаторов труд:
Властвовать им не прискучило...».**

5. Стр.14 - **Акатуй** – место ссылки декабристов, рудники и каторжная тюрьма в Забайкалье. Там отбывал свой срок один из самых не смирившихся декабристов и пользовавшихся вследствие этого особой немилостью царя, умерший при загадочных обстоятельствах на каторге - М.Лунин.

6. Стр.18 – **Большой** – название центральной улице в селе Усолье (будущий город Усолье-Сибирское) до прихода к власти коммунистов.

7. Стр.18 - **Оболенский** – декабрист, который какую-то часть срока своей каторги отбывал в Усолье, впоследствии в с.Большая Елань.

8.Стр.18 - **Большая Елань** – село, которое расположено сравнительно недалеко от Усолья на левом берегу р.Китой (приток р.Ангара).

9. Стр.19 – **Громницкий** – декабрист, который отбывал каторгу в с.Усолье, с.Бельск, похоронен в Усолье на берегу р.Ангары.

10. Стр.19 - **Зэка** – название заключенного в простонародье, которое ассоциируется в у местного населения с людьми, нарушившими Уголовный кодекс.
11. Стр.29 – «**Нева**» – кафе на улице Карла Маркса г. Иркутск.
12. Стр.34 – «**Родились душой на земле Илфета, а телом влачимся – по Симовой.**» - Земли Илфета и Симова – земли библейских героев. Земля Илфета – духовная. Земля Симова – примитивного прагматизма.
13. Стр.35 – «**Быком на быстрине...**» - Бык на быстене – речной порог, как правило в виде большой глыбы на мелководье.
14. Стр.36 - **Курья** - залив, образовавшийся вследствие повышения уровня воды в реке. Например, Бархатовская курья недалеко от с.Олонки на правом Бергу Ангары напротив Усолья-Сибирского, которая образовалась после пуска Братской ГЭС.
15. Стр.36 - **Падун** - речной порог с резким перепадом вод.
16. Стр.36 - **Шивер** - пологий порог на реке, которых очень много в верховьях реки Белой.
17. Стр.36 - **Шуга** - мелкие, тонкие льдинки, которые появляются на реке, перед тем как она

встает. Их трение друг об друга, создают особый звук, который далеко разносится по водной глади.

18. Стр.36 - **Шелонник** – теплый южный ветер на Байкале.

19. Стр.37 – «...**разум их – внутренность сердца** ...» - перефразированное высказывание Ф.Ницше из его знаменитой книги «Так говорил Заратустра».

20. Стр.38 - «**папа**» **сняла на ноченьку...**» - **Пап`а, п`апик** – (дворовый сленг) мужчина в возрасте, клиент проституток.

21. Стр.38 - «**Все живы. Все ограблены.**» - Имеется в виду, что ограблены - государством.

22. Стр.43 – **Мимир** – один из языческих богов древних скандинавских народов, олицетворявших собой Вечность. В этом стихотворении в кавычках взяты цитаты из древнегреческого эпоса «Старшая Эдда».

23. Стр.50 - **Кака** - детское произношение: «плохо, плохой».

24. Стр.50 - **Вава** - «рана, больно».

25. Стр.51 – «**Сбывается мечта в роли «Миси»** - т.е. в роли дочери, которая в раннем детстве называла себя «Мися».

26. Стр.51 – **Приходниче** - устаревшее «прохожий».

27. Стр. 55 - **отстойники** – отхожие промышленные места.

28. Стр. 55 - **Ивановской** – России (неологизм).

.....	1
АЛЕКСАНДР ГОРДИН.....	2
ЯЗЫК ШЕРШАВЫЙ.....	2
СУМРАКА.....	2
стихи.....	2
Усолье-Сибирское.....	2
2009.....	2
Г-5 Гордин А.И. Язык шершавый сумрака. Стихи.....	3
АНО СП. Усолье-Сибирское 2009 – 64 с.....	3
→ АНО «Сибирское партнерство» 2009.....	3
→ Гордин А.И. 2009.....	3
Вступление.....	4
ПЕНЬКОВАЯ ЛИРА.....	10
Русский Рим.....	10

Моя нация - хлеб и сталь. ²	11
Прекратилась работа души.....	12
Птицу выпустили из клетки.....	14
Двуглавый орел – белая ворона!.....	15
Письма отправлены. Письма идут. ⁴	15
Рождество.....	18
СНЕЖНЫЙ ДОМ.....	22
Безжалостное.....	22
Незнакомке.....	24
ПРОЩАНЬЕ.....	26
О, как жалость похоже на жало.....	27
Ломких пальцев немая тоска.....	28
Лирический триптих.....	30
Любовь? – Как чашка кофе от бессониц боли.....	30
Как светло мне в имени твоём.....	31
Любовь перетекает в жалость.....	31
Какая грустная игра:.....	32
Что тебе надо, бродяга:.....	33
ЯЗЫК ШЕРШАВЫЙ.....	35
СУМРАКА.....	35
Родились душой на земле Илфета,.....	35
Провинцией обречённый, как приговоренный.....	35
В клетке тетрадки жили стихи.....	38
Плети рук уборщицы -.....	39
До утра здесь пили.....	40
Город медленной смерти -.....	41

Я вышел из дома.....	41
Стихотворение, приснившееся ночью.....	43
при чтении «Скандинавского эпоса».....	43
Под крылом у солнца –.....	43
Почему голова моя.....	44
Ему многое ведомо.....	45
Небо-льдинка.....	45
Жила-была девочка.....	46
Как дрожащие пальца утренний лес.....	47
Разве можно все это пересказать дословно? –.....	48
Вот и лето уже наизлете.....	49
Что это? Уходящая юность?!.....	50
Листья послушны лицу.....	51
Мгновенничающий голос кузнечика.....	52
И вот антиритмы снова.....	52
Сплевывают рты подъездов.....	53
Я снегом ослеплен.....	53
Гей, стоптанный сибирский валенок!.....	54
Снова день длинный, как выдох -.....	55
Давайте, спокойно поговорим.....	56
Мои беспартийные ухо и рот,.....	57
Примечания.....	58

Александр Гордин

Язык шершавый сумрака

стихи

Редакция автора

*Рисунки Геннадия Кузьмина, Сергея Соловьева,
Владимира Быргазова, Юрия Скорнякова,*

Михаил Петухов

*Оформление обложки В.Тихомиров
Технический редактор В. Тихомиров*

Сдано в набор 17.01.09. Подписано в печать 22.02.09
Формат 62×84¹/₃₂. Гарнитура Times.